

3. ФИННИКАЯ

Прочитав книгу Е. Добиной «Жизненный материал и художественный сюжет»...

Талант и особенность творческого процесса. Отсюда — стремление узнать и у современных писателей...

Подчеркнутая документальность книги «Жизненный материал и художественный сюжет»...

Исследователь освоил огромный документальный материал — воспоминания, письма, историко-литературные работы...

Вот страницы, разбирающие историю создания «Живого трупца» Л. Толстого. Здесь и рассказы судебных деятелей...

Книга Е. Добиной, если можно так сказать, принципиально документальна. Для работы, решающей теоретическую проблему...

ему на плечи и бурно его притянула к себе, с жалостью чувствуя, что он маленький, чуть не меньше ее, и худой...

Все три вопроса сделаны были разным тоном, — первый, ласковый, не вопрос даже, а промурлыкал его, улыбаясь...

Розинг был интриган, желавший устроиться на место Тимофеева директором института. О нем все знали, что он неведомо и нареченник, брал на старой службе взятки...

— Знаешь, Маша, — Розинг этот уже ничем не стесняется, ведет под Тимофеева такой подполк, что даже ученики заговорили.

— Да что ты, Маша! — Убеждена в этом, Правительство как раньше защищало свою власть, так и теперь защищает, только старается это умней делать.

— Нет, не а-а, — покраснев, она передразнила мужа, но тут же подложила ему вусный хрящик из соуса...

Глава девятая Розинг, действительно, подписал Тимофеева. Нижегородское дворянство, мимо округа, подало прошение...

дело с искусством и его не должно походить на эстетическое чутье. Книга называется «Жизненный материал и художественный сюжет»...

Однако не всегда Е. Добин ощущает художественный сюжет как нечто качественное новое по сравнению с жизненным материалом...

Может быть, из-за подобного «неодомостра» автор не улавливает некоторые из тех «магических линий», которые складываются вокруг сюжетного «ядра»...

Не во всем может удовлетворить и анализ «Попытуны» Чехова. Здесь опять-таки, углубившись в детальный разбор взаимоотношений реальных прототипов и литературных героев...

Работа Е. Добиной интересна также тем, что она обращает внимание на одну забытую нашими критиками сторону творческого процесса, на одну важную особенность таланта писателя...

Во все эти особенности книги Е. Добиной вытекают из метода ее исследования. Но когда внимательно вчитываться в работу...

дательству» и «неизменно благосклонно» к дворянству нижегородскому лично назначил Розинга директором...

Илья Николаевичу было приятно разговаривать с институтом, и он ушел. А Мария Александровна именно с этого вечера, как ей казалось, нашла себя...

Раньше, бывало, весь интерес уходил ему вслед и кормился памятью, ожидаясь его присутствия, и ей нравилось делать лишь то, что имело прямое касанье к нему...

Илья Николаевич встал с места и заходил по комнате, и все молча ходил и ходил, пока она, тоже молча, убирала со стола...

— Маша, это прямо какая-то особенная порода людей пошла, — хватая теорему с полслова и сейчас же в практику, вот я теперь на опыте замечаю, какая разница...

— Да что ты, Маша! — Убеждена в этом, Правительство как раньше защищало свою власть, так и теперь защищает, только старается это умней делать.

Глава девятая Розинг, действительно, подписал Тимофеева. Нижегородское дворянство, мимо округа, подало прошение...

СТИХИ Владимира Гордейчева

Восегда очень интересно вслушиваться в шаги нового поколения и по поступи, по ступе сердца определять, с чем приходит он в поэзию? Что для них прехше всего? Живы ли в них пламя сердца их отцов?

В каждом поколении есть разные люди, есть разные голоса. Действительно, сегодняшние литературные юнцы пишут куда больше стихов о любви, чем может быть, писали мы в юности.

Выпускник Литературного института имени Горького Владимир Гордейчев, только что с отличием защитивший диплом, принадлежит к поколению самых молодых поэтов.

Встаньте вы, слепящие белоозубы, с вами я мучал и выростал, станция Каторной железной, чьи ладони грубы, как металл.

Так говорит о себе и своем поколении Гордейчев в стихотворении «Наше время», напечатанном в «Новом мире».

В стихах Гордейчева еще много названного и несовершенного, но лучшее его стихи обладают подлинной силой и уверенностью в своей правоте.

Не могу отмалчиваться в спорах, если за словами узнаю циников, ирония которых распаляет ненависть мою.

Лев ОШАНИН.

Роня обранный топот, над выстолом снега и льда две лавы сдвинулись с места, и солнце померкло, когда на пара — то алые звезды, то белой кокарды левков.

Куда ой! Пойдемте по следу, по прежней отваге в бою, а железных решешек комбеда я руку его узнаю.

Вечные люди. Менья в Крыму судьба свела с бойцами старого закала, О ком я слышал без числа.

Периферия. Я люблю шоферу знаком, Это я, не отличен от многих, Вскришу правую руку рынком, Заступлю машинку дороги.

Так боролся в те дни... «900 дней» — так называется большая литературно-художественная антология, выпущенная Лениздатов в него вошли произведения 100 поэтов, прозаиков и драматургов.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ ВОСПОМИНАНИЯ П. ПОСТЫШЕВА. Рабочий Иваново-Вознесенска — крупного центра текстильной промышленности России. П. Постышев прошел через тюрьмы и лагеря, был отправлен на поселение в Сибирь...

которую и наукой-то стали звать совсем недавно, — науке воспитания и образования человека.

Еще будучи гимназистом, он как-то получил от своего любимого учителя математики, Степанова, старый номер Казанского вестника.

Степанов дал ему прочесть эту статью, чтоб обратить внимание любимого своего ученика на места, подчеркнутые красным карандашом, места, имевшие касанье к математике.

С тех пор прошло четырнадцать лет. Он собрался пойти на юридический. А стал математиком. Он видел страшную старость Лобачевского — где уж дожить до двухсот лет!

— Прочитай эти рассуждения? — сказал на следующий день Степанов. Ильяша не признался тогда учителю, что совсем не подчеркнул красным строки, а другое в речи Лобачевского поправилось ему больше всего.

Большой ученый, стоявший во главе самого знаменитого университета российского, посчитал великим, серьезным делом воспитание человека! Он спросил себя: «Чему должно нам учиться, чтобы достигнуть своего назначения?»

И никто из его коллег, кроме, может быть, Александра Васильевича Тимофеева, не понимал, как может он с таким страстным вниманием штудировать старые номера министерского журнала. А там были читанные и зачитанные им статьи Ушинского, там прославляла жизнь, практика жизни даже в сухих приказах.

как справедливо сказал Мабли: чем страсти сильнее, тем они полезнее в обществе; направление их может быть только вредным.

И сколько еще необыкновенных мыслей заложено было в этой речи! О том, что человек может и должен жить до двухсот лет.

Вся сложная наука, все тонкое искусство образовывать человека еще чему-то смутным, не вернут понятным, но уже захватывающим воображение, как внутренний жар, охватило Ильяшину душу.

С тех пор прошло четырнадцать лет. Он собрался пойти на юридический. А стал математиком. Он видел страшную старость Лобачевского — где уж дожить до двухсот лет!

— Прочитай эти рассуждения? — сказал на следующий день Степанов. Ильяша не признался тогда учителю, что совсем не подчеркнул красным строки, а другое в речи Лобачевского поправилось ему больше всего.

Большой ученый, стоявший во главе самого знаменитого университета российского, посчитал великим, серьезным делом воспитание человека! Он спросил себя: «Чему должно нам учиться, чтобы достигнуть своего назначения?»

И никто из его коллег, кроме, может быть, Александра Васильевича Тимофеева, не понимал, как может он с таким страстным вниманием штудировать старые номера министерского журнала. А там были читанные и зачитанные им статьи Ушинского, там прославляла жизнь, практика жизни даже в сухих приказах.

900 ДНЕЙ... Так называется большая литературно-художественная антология, выпущенная Лениздатов в него вошли произведения 100 поэтов, прозаиков и драматургов.

Лампа в его кабинете начинала коптить, керосин выгорал. Встав на цыпочки, прерывалась весь нескончаемый поток дорогих ему мыслей, он дунул в стекло, потухший огонь, и тотчас прикрыв стекло бумагой, чтоб заглушить чадный запах дымящегося фитиля, открывавший ночной воздух.

Ощупью шел он по афилиде комнат в спальню жены, зная, что она еще не заснула и ждет, когда он ляжет. Наклонясь к ней и тоже осязая ей щеку в безмолвной ласке, передавая ей свое бездонное возбуждение мысли.

А мы, русские? Как и чему обучать, какую школу создать? — спрашивал себя Илья Николаевич над книгами, делая выписки из статей Ушинского.

Лампа в его кабинете начинала коптить, керосин выгорал. Встав на цыпочки, прерывалась весь нескончаемый поток дорогих ему мыслей, он дунул в стекло, потухший огонь, и тотчас прикрыв стекло бумагой, чтоб заглушить чадный запах дымящегося фитиля, открывавший ночной воздух.

Ощупью шел он по афилиде комнат в спальню жены, зная, что она еще не заснула и ждет, когда он ляжет. Наклонясь к ней и тоже осязая ей щеку в безмолвной ласке, передавая ей свое бездонное возбуждение мысли.

А мы, русские? Как и чему обучать, какую школу создать? — спрашивал себя Илья Николаевич над книгами, делая выписки из статей Ушинского.

